

Пятнадцатый день третьего месяца по лунному календарю.

Ночь шествия сотни духов. Ничего начинать не следует.

Правители государства Ся в Центральной области прежде всего почитали конфуцианство и даосизм, одновременно уважая легизм, буддизм и другие учения. К тайным искусствам, гаданиям, духам и призракам здесь тоже относились особенно серьёзно.

Каждый год пятнадцатого дня третьего месяца, как считалось в Центральной области, открывались Врата Призраков и иньская энергия достигала пика. Чтобы избежать злых сил, после часа Сюй люди обычно наглухо закрывали двери и окна и проводили всю ночь дома.

□Для завершения сюжетной точки обязательны все три элемента: время, место и участники!□

□Время: пятнадцатый день третьего месяца, час Цзы.□

□Место: деревня Саньси.□

□Участник: неизвестен.□

— Что-то не сходится, старший. Почему участник неизвестен? Мы с А-Таном ведь здесь.

□А эта сюжетная точка вообще не про вас. Вы по сюжету должны быть в горах, а не здесь. Только из уважения к нашей дружбе я на это закрываю глаза.□

□Предупреждаю: до завершения сюжетной точки в час Цзы нельзя трогать того демонического культиватора. Если сюжетная точка не состоится, значит, задание Небесного Дао провалено. Если меня шарахнет небесной молнией — я и тебя с собой взорву.□

— Старший, спокойно, спокойно. Вы же знаете, на меня можно положиться.

После того как Гу Чэньюй в красках рассказал старосте, что в ночь пятнадцатого числа деревню ждёт великое бедствие, дедушка У не стал сомневаться. Речь шла о жизни и смерти, поэтому всех жителей той же ночью спрятали в зерновом погребе.

Теперь деревня Саньси была пустой оболочкой.

Ночь была тёмной, ветер — сильным. Гу Чэньюй и Фу Сыюань караулили у старой софоры на въезде в деревню. Юноша то и дело подозрительно высовывал голову из-за ствола и распространял духовное восприятие, замечая малейшее движение вокруг.

Фу Сыюань поднял голову к луне и накрыл ладонью холодную правую руку Гу Чэньюя.

— Пока ещё рано. Вернись в дом, я посторожу один.

Гу Чэньюй покачал головой, достал из-за пазухи свёрток промасленной бумаги и развернул. Внутри лежали две ещё тёплые белые булочки.

Он широко улыбнулся.

— Попробуешь? Тётушка Хуа дала.

— Не нужно. Ешь сам.

Фу Сыюань отвернулся и ответил тихо, почти мягко.

Гу Чэньюй откусил кусок булочки, что-то невнятно пробормотал с набитым ртом, затем отломил кусочек и собственноручно поднёс Фу Сыюаню.

— Попробуй, ну попробуй. Очень вкусно.

Фу Сыюань опустил голову, взял кусочек губами и медленно проглотил.

Сладко.

— Хе-хе, говорил же, вкусно! — Гу Чэньюй довольно толкнул его плечом, а потом ещё и боднул макушкой.

□Я не хочу мешать вашей глубокой братской дружбе, но дружеское напоминание: в благословенной пещерной обители ты днём и ночью культивировал и не выполнял ежедневное задание. Вчера весь день налаживал отношения с дедушкой-старостой, тётушкой Хуа, дядей Чэнем и ещё десятком с лишним жителей. Сейчас у тебя осталось всего три патрона.□

— ...

Глаза Гу Чэньюя забежали. Он кашлянул.

— А-Тан, мы ведь братья, да?

Фу Сыюань приподнял бровь.

— Если брат попал в беду, другой брат должен помочь, верно?

Фу Сыюань пристально посмотрел на улыбающегося юношу. Он слишком хорошо знал Гу Чэньюя: когда у того в животе закипали дурные идеи, он всегда улыбался именно так — сладко, с сияющими глазами, выставив два клычка. Будь у него хвост, уже задрал бы к небу.

— Ты мой брат. Поэтому я считаю, что некоторые вещи нет смысла от тебя скрывать.

Гу Чэньюй перестал улыбаться и вытянул правую руку. В одно мгновение на ладони появилось небольшое чёрное духовное оружие — чуть больше самой кисти. Взгляд его был предельно искренним.

Фу Сыюань никогда не видел духовного оружия такой формы.

— Это называется пистолет. Его оставил мне Совершенный Чися. Есть вещи, которые слишком долго объяснять, и сейчас я не могу рассказать тебе всё.

— Но теперь... мне надо с тобой поцеловаться. Ты позволишь?

Фу Сыюань застыл. Чёрные зрачки впились в Гу Чэньюя, идеальная невозмутимость раскололась, открывая неподдельное потрясение. Губы напряглись.

— Ч... что?

Будто на него опрокинули целую банку густого мёда. Казалось, он всё ещё во сне: сладкое, тяжёлое чувство удушья окутало даже кончики волос. Человек, которого он любил, его свет, его луна — сам просил о поцелуе?

Хм. Плохо.

Неужели всё-таки слишком резко?

Брат выглядит так, будто сейчас развалится.

Гу Чэньюй не мог понять, что именно думает Фу Сыюань, и сам чувствовал себя виновато. Этот человек ценил целомудрие чуть ли не выше жизни и целыми днями держался образцовым благородным мужем.

Более того, он не терпел ни малейшей вольности: сам не приближался к женщинам и заодно требовал от Гу Чэньюя «обуздывать себя и соблюдать ритуал».

Стоило какой-нибудь девушке подойти к Гу Чэньюю ближе чем на три шага, как Фу Сяюань своим «медовым язычком» начинал тонко намекать, язвить и издеваться, пока не выводил её из себя.

То скажет, что мужчинам и женщинам с трёх лет не следует сидеть вместе, то что девушка не блюдёт приличий, то что у неё скрытые намерения. Ох, Небеса! Гу Чэньюй столько раз про себя ругал этого старого зануду, что и не сосчитать.

Именно из-за него Гу Чэньюй в прошлой жизни даже за руку не держал ни одну из своих красавиц-знакомых.

Невеста, старшая сестра по школе, младшая сестра, святая дева, бессмертная красавица — со всеми «дружба благородных людей была пресной, как вода».

Он прожил две жизни и ни разу не испытал женской нежности. Каждый день торчал среди мужчин — от мирской пыли один дым остался!

Если бы Фу Сяюань не был лучшим другом, Гу Чэньюй точно решил бы, что у того есть какие-то невыразимые проблемы с головой.

Даже строгая требовательность к себе должна иметь пределы.

Фу Сяюань всё молчал. Гу Чэньюй мог только продолжать, изображая бессовестного нахала.

— Позволишь? Позволишь? Позволишь?

Фу Сяюань не двигался, словно окаменел. Он слишком боялся, что это лишь очередная шутка Гу Чэньюя. Любимому человеку ничего не стоило поиграть его чувствами и втоптать искренность в грязь. Но такая сладкая, манящая шутка могла довести его до безумия.

Гу Чэньюй, изначально собиравшийся пять раз поцеловать его ради пяти патронов, молча убрал три поднятых пальца.

— Я... я всего два раза. Просто губами коснуться... Если тебе совсем неприятно... тогда я не...

Мрачный юноша внезапно поднял руку. Холодные пальцы обхватили подбородок Гу Чэньюя. Фу Сяюань опустил глаза, наклонился и очень легко, очень медленно коснулся его губ поцелуем, в котором не было ни тени кощунственной поспешности.

Раз.

Два.

Три.

Мягко и нежно, с непонятной Гу Чэньюю серьёзностью и почти благоговейной осторожностью.

Мало...

Всё ещё мало.

Хотелось сильнее. Глубже.

Фу Сыюань тихо опёрся лбом о плечо Гу Чэньюя. В глазах больше не скрывались ни жажда, ни желание присвоить. Кадык качнулся, он глубоко вдохнул чистый аромат любимого.

Хотелось ещё.

Ещё больше.

Гу Чэньюй ничего этого не заметил. Ему лишь показалось, что Фу Сыюань, проведя рядом с ним столько времени, тоже пропах травами.

И как же легко он целуется. Вот ведь маленький старомодный зануда — наверняка никогда ни с кем не целовался и даже не знает, как это делается.

Гу Чэньюй, напрочь забывший, что собственный первый поцелуй тоже отдал лучшему другу, мысленно пожалел его.

Старший, это засчитается?

□Если с твоей стороны было сознательное желание поцеловать — засчитается.□

□Ежедневное задание «Поцелуй повсюду» выполнено.□

□Выдано патронов ×3. Всего патронов: 6. Заберите самостоятельно.□

Вдалеке хрустнула сухая ветка.

Гу Чэньюй тут же повернул голову — всё внимание мгновенно ушло на восток. Он уже хотел

двинуться вперёд, но Фу Сыюань положил руку ему на плечо.

— Не спеши, Чэньюй. Сначала посмотрим, что именно он собирается делать.

Пришедший был в чёрной мантии. Вокруг клубилась мутная ци, фигура двигалась странно и почти полностью сливалась с ночной тьмой. Очевидно, он пришёл подготовленным.

Демонический культиватор сложил обеими руками печать. Полы одежды затрепетали. Чёрная ци закружилась, постепенно образуя причудливую формацию в виде талисмана. Вспыхнул багровый свет.

— Цянь и Кунь обращены вспять, Кань и Ли меняются местами.

Фу Сыюань холодно произнёс восемь слов и усмехнулся.

Гу Чэньюй скрипнул клыками, и в голосе прозвучал пугающий холод:

— Формация Пожирания Духов...

Его замысел заслуживает смерти!

Формация Пожирания Духов была тайным искусством демонов. Она поглощала души, превращая их в силу самого заклинателя. Попавшие внутрь полностью лишались души и уже никогда не могли переродиться. Это была одна из самых зловещих и жестоких формаций.

В библиотеке секты Сюаньюэ сохранилось мало сведений о демонах, лишь отдельные строки. Но там совершенно точно говорилось, что когда-то демоны развернули у Южного моря Формацию Пожирания Духов радиусом пятьсот ли. Всего за три дня всё живое в тех водах было поглощено. До сих пор там не водилось ни одного живого существа.

Для нормального культиватора эта формация не приносила никакой пользы и была внесена всеми крупными сектами в список запретных техник. Стоило ей полностью активироваться — пути назад уже не было. Всё внутри её границ постепенно разъедалось демонической ци, и живым туда входить было нельзя.

Лицо Фу Сыюаня потемнело.

— Чэньюй, уходи первым. Эту формацию трудно разрушить. Все её узлы созданы из демонической ци, а она предельно иньская и зловещая. Духовная сила обычных культиваторов будет поглощена и не сможет пробить ключевые точки.

— Твой уровень пока невысок, ты неизбежно попадёшь под влияние. Сейчас сформировано лишь ядро формации, сама она ещё не завершена. Иди в зерновой погреб и соединишься с жителями. Я прикрою.

— Чэньюй...

— Чэньюй?!

Названный по имени Гу Чэньюй уже зарядил пистолет и неизвестно когда пригнувшись исчез из поля зрения.

Настоящий мужчина должен уметь идти навстречу трудностям!

Раз старший Лин сказал, что он главный герой, главный герой не может просто взять и умереть. На нём уже тройной набор усилений: Тело Чистого Ян + огнестрельное оружие + небесный огненный духовный корень.

Мне отступить перед ним?

Если он, Гу Чэньюй, сегодня не прикончит этого демонического культиватора, будет писать своё имя задом наперёд!

Бах!

БУМ!

Юноша крепко сжал пистолет. Пуля, окутанная Истинным Пламенем Чися, прорезала воздух и с оглушительным взрывом ударила демонического культиватора в бок. Пламя тут же поползло по демонической ци, пожирая её без остатка.

Раздался пронзительный вопль.

— А-а-а-а! Кто?!

Скрывать присутствие больше не имело смысла. Обжигаемый Истинным Пламенем Чися культиватор поднял налитые кровью глаза. Лицо перекосилось от ярости почти до неузнаваемости. Он зажал прожжённую пулей рану на боку, между пальцами ручьями потекла чёрная кровь.

— Я сдеру с вас кожу, переломаю кости, разрублю на куски и переплавлю в человеческие пилюли!

Ишь как разошёлся.

Бах! Бах!

Гу Чэньюй вскинул руку и выстрелил ещё дважды. Пули точно пробили оба запястья демонического культиватора. Тот, шатаясь, рухнул на колени, руки бессильно повисли, как тряпки, но налитые кровью глаза по-прежнему впились в юношей, едва не вылезая из орбит. Из горла вырывалось тяжёлое хрипение.

— А-а-а-а!

Дитя судьбы посмотрел на пистолет, потряс правой рукой, онемевшей от отдачи, а затем повернулся к демоническому культиватору, который от боли мог лишь корчиться.

— А-Тан! Эта штука намного удобнее меча!

Как он вообще жил раньше?

Дальше десяти метров пистолет быстрее. Ближе десяти — и быстрее, и точнее!

Даосский друг, времена изменились.

<http://bllate.org/book/19829/1959936>